

Конфиденциальные переговоры: первые шаги к прекращению российской войны в Украине

*П. Терренс Хопман**

Аннотация

В статье обосновывается необходимость начала конфиденциальных предварительных переговоров между российскими и украинскими представителями в кулуарах ОБСЕ в Вене. В ней утверждается, что предварительные неформальные и конфиденциальные обсуждения должны начаться еще до прекращения военных действий, чтобы заложить основу для последующих официальных переговоров по прекращению российской войны в Украине и подготовке мирного соглашения, которое предотвратит возобновление вооруженного конфликта в будущем. До того как война закончится и станут ясны условия для послевоенного урегулирования, в ходе предварительных неофициальных переговоров могут быть обсуждены модальности официальных переговоров, которые начнутся, когда ситуация в зоне конфликта «созреет» для прекращения войны путем переговоров. На начальном этапе это не предполагает официальное участие ОБСЕ, потребуется лишь предоставление добрых услуг со стороны ее институтов или государств-участников в Вене. Какая-либо официальная роль ОБСЕ будет в значительной степени зависеть от содержания соглашения о прекращении военных действий, которым может быть предусмотрено ее участие в поддержании мира, мониторинге или другие функции, согласованные сторонами конфликта.

Ключевые слова

Каналы конфиденциальной коммуникации, предварительные переговоры, российско-украинская война, теория зрелости, добрые услуги

Ссылка на настоящую публикацию

Хопман П. Т. Конфиденциальные переговоры: первые шаги к прекращению российской войны в Украине // ОБСЕ Insights 2/2023 / К. Фризендорф, А. Картсонаки (отв. ред.). – Баден-Баден: Номос, 2024. <https://doi.org/10.5771/9783748920120-05>

* Школа перспективных международных исследований, Университет Джонса Хопкинса, pthopmann@jhu.edu.

Введение

2023 год не внес ясности в возможный исход вторжения России в Украину. Несмотря на продвижение украинских войск вполне реальной представляется перспектива затяжной и потенциально тупиковой войны. Но все войны рано или поздно заканчиваются, и многие из них – путем переговоров. Официальные переговоры о заключении мирного соглашения вряд ли начнутся до тех пор, пока конфликтующие стороны не признают, что война стала для них слишком затратной и (или) пока одна или обе стороны не признают, что они не смогут одержать военную победу. Тем не менее, еще до наступления этой фазы стоит начать неофициальные конфиденциальные предварительные переговоры. Основная цель таких переговоров – не решить вопросы, лежащие в основе конфликта, а заложить основу для официальных, открытых переговоров, которые начнутся тогда, когда для этого созреют условия. Предметные переговоры смогут состояться только тогда, когда российские лидеры признают, что их первоначальная цель – завоевание всей территории Украины или установление в Киеве пророссийского режима – не может быть достигнута и что они не могут претендовать на суверенитет над значительной частью украинской территории. Украина также столкнулась с трудностями в восстановлении контроля над утраченными территориями, особенно в Крыму. Таким образом перспективы завершения войны военными средствами, которые обеспечили бы абсолютную победу одной из сторон, невелики.

Любые попытки договориться о прекращении войны скорее всего будут сдерживаться тупиковой внутривойсковой ситуацией, поскольку лидеры обоих государств поставили свое политическое будущее в зависимость от достижения желаемого результата. Для киевского правительства желаемый результат, очевидно, означает полное восстановление суверенитета над всей территорией бывшей УССР в границах, существовавших до 1991 г. в составе бывшего Советского Союза, включая Крым, то есть в границах, которые были признаны международным сообществом и Российской Федерацией в 1991 г. Для Киева, пользующегося поддержкой значительной части международного сообщества, неприемлемо прекращение огня или соглашение, которое основывалось бы на сложившемся в результате военного противостояния статус-кво и передавало бы фактический контроль над частью украинской территории российским захватчиком. Для Украины и поддерживающих ее стран это было бы равносильно принятию результата грубого нарушения основополагающих принципов Устава ООН и хельсинкского Заключительного акта, в первую очередь принципов нерушимости границ, территориальной целостности государств, уважения прав, присущих суверенитету, и отказа от угрозы силой или применения силы. Даже если украинские войска отвоюют большую часть территории на востоке и юге страны, восстановление контроля над Крымом военным путем представляет собой существенное препятствие для восстановления всей суверенной украинской территории в ближайшей перспективе. Однако поскольку украинское

население заплатило в этой войне очень высокую цену, любая победа кроме полной создаст впечатление, что многие из принесенных им жертв были напрасны.

Минимальной политической целью России представляется согласие международного сообщества с тем, что пять бывших областей Украины являются законной частью Российской Федерации. Это – Крым, незаконно аннексированный Россией в 2014 г., а также четыре области на Юго-Востоке Украины, которые, как заявляет Россия, в 2022 г. стали субъектами Российской Федерации: Донецкая, Луганская, Запорожская и Херсонская (несмотря на то, что российские войска не смогли полностью занять эти четыре области). Однако значительная часть международного сообщества не поддерживает территориальные претензии России к Украине и продолжает признавать постсоветские границы последней. При этом президент Путин и его военные советники могут не устоять в условиях противодействия со стороны «ястребов» в самой России, если согласятся на что-то меньшее, чем установление полного контроля над пятью областями, на которые претендует Москва. Татьяна Становая в статье в журнале Форин Аффэрс подчеркивает вызовы, с которыми российское руководство столкнулось в ходе войны с Украиной: «Столкновение старых и новых “ястребов” будет определять реакцию России на противостояние в Украине и внутри страны. Чем больше вызовов будет брошено режиму, тем быстрее он эволюционирует в нечто еще более мрачное. Российская общественность становится все более ожесточенной, антизападной и антиукраинской, а российские элиты – все более встревоженными и раздробленными»¹.

Формат любых официальных переговоров скорее всего будет зависеть от исхода вооруженного конфликта, возможно, после нескольких лет напряженных боевых действий. До тех пор, пока в сознании лидеров и населения двух государств, а также поддерживающих их сил за рубежом не проявятся контуры исхода военного противостояния, вести предметные переговоры на основе существующего военного статус-кво будет сложно, несмотря на высокую цену, которую всем сторонам придется платить за войну.

Однако переговорам часто предшествует неформальная фаза, «предпереговоры» – переговоры о переговорах, о решении вступить в официальные переговоры. В условиях военного тупика, далекого от предпочтительного для каждой из сторон исхода, как, например, в российско-украинской войне, противоборствующие стороны обычно не готовы участвовать даже в предварительных переговорах, которые могут быть истолкованы внутренними противниками и международным сообществом как признак готовности отказаться от предпочтительного для них исхода, особенно на фоне того, сколько в ходе конфликта погибло мирных жителей и солдат. По этой причине предварительные переговоры часто проводятся тайно, в рамках процесса, который часто называют конфиденциальными переговорами, не привлекающими внимания общественности.

Вот почему России и Украине стоит рассмотреть возможность вступить в неофициальные переговоры, несмотря на продолжение боевых действий. Такое решение

не потребует договоренности о прекращении огня, требование которого может подкрепить утверждение о том, что в основу соглашения должен быть положен военный статус-кво, против чего наверняка будет возражать Украина. Вероятно, это будет неприемлемо также и для России. Хотя стороны участвовали в неофициальных переговорах по таким вопросам, как обмен военнопленными, мы имеем в виду целесообразность в ближайшее время начать (если они еще не начались) неофициальные предварительные переговоры по конфиденциальным каналам, призванные заложить основу для более официальных переговоров в будущем, когда военно-политические условия созреют для начала обсуждения фундаментальных вопросов, лежащих в основе конфликта. Хотя на предварительных переговорах не обязательно будут обсуждаться главные проблемы, они могут способствовать поиску решений и создать основу для последующих переговоров и решения этих проблем в будущем. Конечно, неформальные предварительные переговоры не дают гарантии того, что они приведут к более предметным переговорам, как только обе стороны признают необходимость прекращения войны. Однако они, возможно, скорее позволят ускорить и повысить результативность переговоров о прекращении огня (в идеале – с последующим формальным политическим соглашением о прекращении войны), чем если бы между сторонами было мало или вообще не было контактов до окончания боевых действий.

Предварительные переговоры и переговоры по конфиденциальным каналам

Предварительные переговоры обычно представляют собой процесс, в ходе которого стороны неформально прощупывают возможности для начала переговоров по содержательным вопросам конфликта. Согласно Гарольду Сондерсу, в ходе предварительных переговоров необходимо определить предмет (проблему), который предстоит обсудить, договориться о начале официальных предметных переговоров и начать их подготовку². Согласно «теории зрелости» Уильяма Зартмана, их основная цель – обеспечить «созревание» конфликтной ситуации для того, чтобы она стала поддающейся переговорам, даже если окончательное урегулирование кажется далеким. Конфликт может обостриться вследствие изменений во внутривнутриполитической ситуации (например, смена руководства), в региональной и (или) глобальной обстановке или из-за изменения восприятия конфликтующими сторонами баланса издержек и выгод от продолжения конфликта³. Даже возникновение тупиковой ситуации может привести к тому, что одна или обе стороны поймут, что издержки продолжения конфликта с применением силы перевешивают издержки отступления от их максимальных позиций. Предварительные переговоры могут вовлечь стороны в совместную диагностику сути конфликта, а также возможностей и угроз, которые он представляет для их предпочтений.

По мнению Зартмана, «созреванию» конфликта для начала переговоров способствуют три основных условия. Первое условие выполняется, когда обе стороны признают, что они попали в обоюдную тупиковую ситуацию, которая уже дорого им обошлась или грозит тем, что они скорее всего вместе сорвутся в пропасть, если одна из сторон пойдет на эскалацию (возможно, с применением тактического ядерного оружия), чтобы попытаться выйти из тупика. В первую очередь стороны должны признать, что они не смогут выйти из тупика путем эскалации, а значит, не смогут победить, если под победой понимать достижение всех их целей без дорогостоящих последствий. Во-вторых, зрелость конфликта зависит от наличия у сторон ощущения возможности выхода из ситуации, возможно, без четкого представления о конкретных деталях, – в смысле признания того, что путь к прекращению вооруженного противостояния может быть найден. Наконец, третье условие зрелости выполняется, если стороны находят «привлекательную для них обеих возможность» для урегулирования конфликта⁴.

Фаза предварительных переговоров – это процесс взаимного изучения, в ходе которого стороны пытаются выяснить потребности, цели и основные мотивы другой стороны, с тем чтобы лучше понять ее реальные красные линии и ключевые цели (в отличие от требований, выдвигаемых в риторических заявлениях, рассчитанных в основном на внутреннюю и международную аудитории). Это должно помочь им лучше понять друг друга и по возможности определить пространство для торга – диапазон поиска взаимоприемлемых договоренностей, на основе которых может быть выработано совместное видение путей выхода из конфликта. Нахождение общего пространства для торга часто предполагает поиск компромиссов, в ходе которого стороны должны определиться, какие вопросы являются самыми важными для них. Если приоритеты сторон расходятся, они могут попытаться достичь соглашения, которое позволит им обоим считать, что они выигрывают для себя что-то важное от договоренности по представляющим первостепенную важность для каждой из сторон вопросам, – выигрывают по крайней мере по сравнению с затратами на продолжение вооруженного конфликта⁵. Признание возможности выхода может привести к согласованию предварительных решений о повестке дня официальных переговоров, месте и сроках их проведения, составе участников, возможном привлечении содействующей стороны или посредника, а также о других связанных с планируемым переговорным процессом аспектах.

Однако в таких конфликтах, как российская война в Украине, стороны отстаивают прямо противоположные основные ценности, что иногда создает ситуацию «торга с нулевой суммой». Если политические цели сторон противоположны, поиск взаимовыгодных компромиссов может быть затруднен. Это, в свою очередь, делает официальные переговоры по главным вопросам конфликта преждевременными до появления определенности в военной обстановке, будь то в результате победы одной из сторон или взаимного признания патовой ситуации, если стороны либо истощены, либо одна из них или обе понимают, что не смогут одержать победу. Од-

нако поиск возможных решений, позволяющих преодолеть разногласия враждующих сторон, скорее всего станет результатом длительного процесса коммуникации между ними даже в условиях острого и, казалось бы, неразрешимого конфликта. Конфиденциальный предпереговорный процесс позволяет открыть каналы для коммуникации и обсуждения разногласий, не привлекая к этому внимания как внутри страны, так и на международной арене. Использование конфиденциальных каналов имеет смысл именно в условиях острой враждебности между сторонами, поскольку они вряд ли захотят встречаться открыто, опасаясь продемонстрировать внутренним и международным аудиториям свою слабость и, возможно, породить опасения, что они готовы пойти на слишком большие уступки своему «врагу».

Этот процесс осложняется не только различиями в политических целях сторон, но и эмоциональным багажом, связанным с самим конфликтом, что затрудняет установление взаимного доверия и формирование общего представления о путях выхода из конфликта. Все это усугубляется внешними ограничениями, накладываемыми на переговорщиков спойлерами в их собственных правительствах, их внутренней политической и общественной аудиторией, а также тем, как их поведение воспринимается в мировом сообществе в целом, в том числе союзниками⁶. Чтобы минимизировать влияние этих внешних ограничений, часто необходимо держать предварительные переговоры в тайне как от внутренней, так и от международной аудитории. По этой причине, по крайней мере на ранних стадиях, предварительные переговоры часто проходят по конфиденциальным каналам.

Энтони Вэнис-Сент-Джон определяет конфиденциальные переговоры как «официальные переговоры между сторонами спора, которые дополняют или заменяют открытые переговоры по существующему основному каналу»⁷. Соответственно, этот процесс отличается от переговоров по линии «второго трека», в которых часто участвуют представители гражданского общества и неправительственных организаций, тем, что его участники так или иначе непосредственно подотчетны и представляют руководство конфликтующих сторон. Они могут предполагать участие содействующей третьей стороны или посредника, но это не обязательное требование. Такие переговоры могут проходить параллельно с открытыми, но чаще всего являются предварительными, призванными подготовить почву для последующих официальных переговоров. Самое главное: в них должны участвовать люди, близкие к высокопоставленным лицам в соответствующих правительствах и уполномоченные обсуждать варианты начала предметных переговоров, не связывая себя обязательствами относительно их результатов. Переговоры по конфиденциальным каналам обычно проходят тайно, чтобы обеспечить участникам возможность обсудить различные варианты, не связывая на этом раннем этапе правительства какими-либо договоренностями и не исключая варианты, которые могли бы быть навязаны внутриполитическими и международными субъектами.

Главная особенность, однако, заключается в том, что участники неформальных контактов не должны подвергаться политическому давлению, когда они в частном

порядке признают, что им, возможно, придется отойти от публично заявленных обязательств и целей. Такое признание, сделанное в ходе открытых переговоров, могло бы спровоцировать на Родине политическую реакцию, которая блокировала бы какой-либо прогресс. Конфиденциальные переговоры не урегулируют конфликт, но должны, согласно Зартману, помочь ситуации «созреть», предоставить сторонам возможность осознать или даже увидеть «привлекательную для них обеих возможность» для выхода из конфликта, которая могла бы составить основу для открытых переговоров⁸. Важной задачей при этом часто является согласование формата и повестки дня для переговоров без давления со стороны внутренней и международной оппозиции, возражающей против контактов с противником. Как отмечает Вэнис-Сент-Джон, решение этой задачи не обязательно требует прямого общения между сторонами конфликта. Она может быть решена при содействии «третьей стороны, выступающей в качестве посредника, который конфиденциально передает сообщения отказывающимся от общения противостоящим сторонам»⁹.

Таким образом процесс конфиденциальных переговоров предоставляет собой площадку, на которой стороны могут предварительно обсудить возможность будущих переговоров, не связывая себя конкретными обязательствами по условиям возможного соглашения, против которых могут выступать различные группировки в их правительствах или внутриполитические силы, настаивающие на полной победе любой ценой. Они могут служить для проведения предварительных переговоров, площадкой, на которой лидеры могут встретиться, не опасаясь публично потерять лицо, но косвенно признавая, что провозглашенные ими цели и смысл конфликта не могут быть достигнуты. Это может позволить в частном порядке согласовать предварительные договоренности, которые в перспективе, когда конфликт «созреет» для урегулирования, без значительных задержек смогут стать основой для открытых переговоров.

Предложение о конфиденциальных переговорах во время войны в Украине в кулуарах ОБСЕ

СБСЕ–ОБСЕ уже давно вовлечена в отношения между Россией и Украиной. К примеру, на саммите СБСЕ в Будапеште в 1994 г. был подписан Будапештский меморандум, в соответствии с которым Украина согласилась передать России ядерные боеголовки и средства их доставки, а также подписать Договор о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерного государства. В ответ на это Россия согласилась не угрожать применением и не применять военную силу или экономическое давление против Украины (а также Беларуси и Казахстана, которые также отказались от своего ядерного оружия). Однако ответственность за обеспечение соблюдения соглашения была возложена на Совет Безопасности ООН, в котором Россия обладает правом вето.

В период с 1992 по 1996 г. Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств голландец Макс ван дер Стул выступил в качестве посредника при согласовании ряда соглашений о статусе Крыма в составе Украины, которыми областям, большинство населения которой идентифицировало себя как русских, была предоставлена значительная степень автономии. В ходе этого процесса определенный подуровень автономии был также предоставлен проживающему там татарскому меньшинству¹⁰. Эти соглашения были перечеркнуты захватом Крыма Россией в 2014 г.

ОБСЕ также сыграла центральную роль в согласовании Минских протоколов в 2014 и 2015 гг. после российской оккупации Крыма и начала вооруженного конфликта в двух областях на Юго-Востоке Украины – Донецкой и Луганской, фактические лидеры которых добивались отделения от Украины. ОБСЕ учредила Специальную мониторинговую миссию (СММ) в этих двух регионах и на всей территории Украины, в задачи которой входил мониторинг соблюдения режима прекращения огня и других положений второго Минского соглашения в период с 2015 г. вплоть до российского вторжения в Украину в феврале 2022 г., когда миссия была вынуждена прекратить свою деятельность¹¹. Однако мандат СММ не позволял ей обеспечивать выполнение этих положений, несмотря на то что они активно нарушались всеми сторонами и в итоге потерпели крах после открытого вторжения России на международно признанную украинскую территорию.

Ограниченность возможностей ОБСЕ по обеспечению выполнения многочисленных соглашений между Россией и Украиной, заключенных под ее эгидой после распада Советского Союза, негативно сказалась на ее репутации во многих государствах региона, даже несмотря на то, что СММ прекрасно справилась с выполнением своего ограниченного мандата. Тем не менее ОБСЕ все еще может сыграть определенную роль в содействии прекращению войны, прямо или косвенно, а успешное решение этой задачи могло бы способствовать возрождению ОБСЕ как исключительно важного инструмента регулирования конфликтов в Европе. Поскольку любое окончательное соглашение скорее всего будет зависеть от исхода войны, вряд ли можно будет обсуждать условия прекращения конфликта и послевоенного урегулирования до тех пор, пока военная ситуация не позволит приступить к решению этой задачи. Учитывая, что в первые месяцы войны России не удалось взять под контроль Киев и установить в Украине пророссийское правительство или помимо Крыма полностью занять четыре области, которые она объявила своей территорией, урегулирование, не обеспечивающее российский контроль над всей территорией этих четырех регионов, вероятно, будет воспринято, особенно в России, как серьезное поражение амбиций президента Путина в отношении Украины. Аналогичным образом значительная часть украинского населения и ее политических элит скорее всего воспримет любое урегулирование (или даже прекращение огня), не предполагающее возвращение всех территорий Украины, как не соответствующее их цели.

Такую же позицию занимают и многие зарубежные сторонники Украины, оказывающие ей значительную военную и гуманитарную помощь.

Хотя обе стороны пострадали от затянувшегося жестокого конфликта, ни одна из них, скорее всего, не начнет переговоры об окончательном урегулировании на основе нестабильного военно-политического статус-кво. Однако это не означает, что они должны избегать участия в предварительных переговорах и использования конфиденциальных каналов для подготовки почвы для официальных переговоров, которые смогут начаться, когда обстановка для этого «созреет». Предварительные переговоры могут проходить в кулуарах ОБСЕ в Вене (или в офисах ООН в Женеве или Вене).

Вена представляется привлекательным местом для предпереговорного процесса. Здесь расположены штаб-квартиры ОБСЕ и ряда учреждений ООН, что предоставляет множество возможностей для налаживания контактов между Россией и Украиной. У обеих стран при этих организациях есть крупные постоянные представительства, возглавляемые дипломатами высокого ранга, имеющими возможность для коммуникации с руководителями правительственных ведомств своих стран. Поскольку их присутствие в Вене – явление обычное и рутинное, общественность вряд ли воспримет контакты между ними как нечто выходящее за рамки обычной дипломатической деятельности. Дипломаты и другие высокопоставленные чиновники могут встречаться в присутствии третьей стороны или наедине, чтобы обменяться идеями о том, как подготовиться к переговорам о прекращении войны. На ранних этапах было бы желательно, чтобы каналом связи служила третья сторона, так как напряженность между двумя сторонами остается настолько сильной, что непосредственное общение лицом к лицу может быть затруднено, а давление из столиц может ограничивать возможности для проведения даже неофициальных встреч.

ОБСЕ могла бы оказать сторонам добрые услуги, предоставив спокойную возможность для проведения встреч в Секретариате, не обязательно обозначая при этом их направленность. В качестве альтернативы делегации одного или нескольких государств-участников, предпочтительно нейтральных, таких как Австрия или Швейцария, могли бы предоставить добрые услуги для организации неформальных встреч представителей сторон. Турция, член НАТО и государство—участник ОБСЕ, которая уже выступала в качестве посредника между сторонами, в частности, при согласовании вопроса о вывозе зерна из Украины по Черному морю, также могла бы стать приемлемым партнером для содействия дальнейшим переговорам по конфиденциальному каналу. В Вене есть также множество кафе и загородных ресторанов, есть уединенные места в близлежащих Альпах, где можно провести неформальные встречи. Хотя всегда существует риск того, что эти частные беседы могут стать достоянием общественности, обстановка в Вене дает основания для правдоподобного отрицания их истинной цели. Хотя, по мнению Вэнис-Сент-Джона, началу конфиденциальных переговоров могли бы также содействовать расположенные в Вене неправительственные организации и организации гражданского

общества, щекотливость и значимость вопросов требуют прямого участия лиц, имеющих доступ к высокопоставленным лицам в Москве и Киеве.

Дополнительное преимущество Вены заключается в том, что расположенные здесь институты ОБСЕ могли бы предоставить площадку для проведения более официальных переговоров, когда и если появится возможность начать обсуждение содержательных вопросов, лежащих в основе конфликта. Значительный опыт деятельности ОБСЕ в условиях конфликта в Украине означает, что в ее структурах и институтах, особенно в Центре по предотвращению конфликтов, есть глубокие знания связанных с конфликтом вопросов. Участие ОБСЕ даже просто в кулуарах переговоров повысит вероятность того, что будущее соглашение будет соответствовать принципам международного права, нормам хельсинкского Заключительного акта и парижской Хартии, а также Устава ООН, которые были нарушены в результате российского вторжения в Украину. ОБСЕ также могла бы предложить содействие в реализации соглашения, которое может быть подписано по окончании войны, особенно благодаря своему опыту посредничества при согласовании минских протоколов и мониторинга их выполнения. Однако важно подчеркнуть, что официальное участие ОБСЕ скорее всего станет возможным только после начала официальных переговоров или даже только после заключения мирного соглашения. Столь длительный и ожесточенный конфликт скорее всего потребует определенной международной деятельности по поддержанию мира для предотвращения дестабилизации обстановки и частых нарушений мирного процесса, как это имело место до российского вторжения в 2022 г. Соответствующие меры по обеспечению выполнения достигнутого соглашения могли бы быть организованы ОБСЕ или ООН.

Вена уже давно стала предпочтительным местом для неформальных встреч дипломатов и политических лидеров, в том числе в период с 1975 по 1990 г., когда она служила местом проведения переговоров между Востоком и Западом по вопросам укрепления доверия и безопасности и контроля над обычными вооружениями, в ходе которых проходили как официальные заседания, так и неформальные конфиденциальные обсуждения. Еще до того как СБСЕ было преобразовано в организацию Венская встреча СБСЕ в 1986–1989 гг. предоставила возможность для многочисленных неформальных контактов по линии Восток–Запад, которые сыграли важную роль в поощрении либерализации Восточной Европы и расширении контактов между европейскими странами, разделенными в годы «холодной войны», что в конечном итоге способствовало краху коммунизма в Восточной Европе и окончанию «холодной войны». Многие идеи, неофициально обсуждавшиеся в Вене, были включены в Хартию для новой Европы, принятую на парижском саммите СБСЕ в 1990 г. Хотя контекст войны в Украине отличается от тех проблем, с которыми СБСЕ сталкивалось в прошлом, этот опыт свидетельствует о том, что дипломатическое присутствие на площадке СБСЕ–ОБСЕ позволило обсуждать важные вопросы, выходящие за рамки мандата ОБСЕ¹².

Спровоцированная Россией война в Украине в конечном итоге закончится, но от того, как она закончится, будут зависеть как процесс и содержание официальных переговоров, так и та роль, которая в реализации будущего соглашения будет отведена ОБСЕ и другим организациям. Могут пройти месяцы или даже годы, прежде чем военная обстановка, а также политические условия в Киеве и Москве созреют для начала даже просто предпереговорного процесса. Однако начинать закладывать фундамент для переговоров о прекращении войны никогда не рано. Инициирование предварительных конфиденциальных переговоров до того, как созреют условия для урегулирования конфликта, может ускорить процесс подготовки соглашения после того как ситуация станет более благоприятной для его заключения.

Последствия войны – гибель людей, ущемление прав человека, разрушение экономической инфраструктуры и невозможность судебного преследования за преступления против человечности – сами по себе слишком серьезны, чтобы откладывать этот процесс дольше, чем необходимо. Еще до того, как определится структура или повестка дня официальных переговоров, неформальные конфиденциальные обсуждения могут способствовать как приближению начала, так и ускорению мирных переговоров, когда необходимость прекращения войны станет очевидной для всех. Должностные лица ОБСЕ и делегации отдельных государств-участников могли бы предложить сторонам свои добрые услуги для начала неформальных дискуссий, но российским и украинским дипломатам в конечном итоге придется отбросить свою острую враждебность и встретиться конфиденциально, чтобы заложить основу для переговоров о возможном прекращении войны, а затем – о справедливом мирном соглашении, которое должно будет исключить возможность новой войны в регионе.

Примечания

- 1 Stanovaya T. Putin's Age of Chaos // *Foreign Affairs*. 2023. No. 5. P. 56.
- 2 Saunders H.H. The Pre-Negotiation Phase // *International Negotiation: Art and Science* / D.B. Bendhamane, J.W. McDonald (eds.). – Washington: Foreign Service Institute, US Department of State, 1984. P. 47–56.
- 3 Zartman I.W. Ripeness Revisited: The Push and Pull of Conflict Management // *Negotiation and Conflict Management: Essays on Theory and Practice*. – London: Routledge, 2008. P. 232–244.
- 4 Zartman I.W. Vuković S. *Rethinking Conflict Resolution and Management*. – Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2023. P. 68–82.
- 5 Hopmann P.T. *The Negotiation Process and the Resolution of International Conflicts*. – Columbia, SC: University of South Carolina Press, 1996. P. 54–56.
- 6 См.: Stedman S.J. Spoiler Problems in Peace Processes // *International Conflict Resolution after the Cold War* / P.C. Stern, D. Druckman (eds.). – Washington: National Academy Press, 2000. P. 178–224.
- 7 Wanis-St. John A. *Back Channel Negotiation: Secrecy in the Middle East Peace Process*. – Syracuse, NY: Syracuse University Press, 2011. P. 4.
- 8 Zartman I.W. *Op cit.* P. 232–39.

- 9 Wanis-St. John A. *Op cit.* P. 9.
- 10 Hopmann P.T. The OSCE's Contrasting Roles in Managing the Ukraine/Crimea Crises in 1992–96 and 2014–15 // *OSCE Yearbook 2015 / IFSH (ed.)*. – Baden-Baden: Nomos, 2016. P. 277-293. URL: <https://ifsh.de/file-CORE/documents/yearbook/english/15/Hopmann-en.pdf>.
- 11 Дополнительную информацию см.: Hopmann P.T. *Negotiating the Ukraine-Crimea Crisis // Tug of War: Negotiating Security in Eurasia / F.O. Hampson, M. Troitskiy (eds)*. – Waterloo: ON: Centre for International Governance Innovation Press, 2017. P. 101–116.
- 12 Обзор этого периода в истории СБСЕ см.: Загорский А. СБСЕ: уроки прошлого // *ОБСЕ Insights 2022 / К. Фризендорф, А. Картсонаки (отв. ред.)*. – Баден-Баден: Номос, 2023. URL: <https://www.nomos-elibrary.de/10.5771/9783748936770-06.pdf>.